

История профессионального образования в области традиционного прикладного искусства

Тихомиров С.А., кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры истории искусств, ФГБОУ ВО «Высшая школа народных искусств (академия)», 191186, Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова, д. 2., лит. А., e-mail: nauka_vshni@mail.ru

Tikhomirov S.A., candidate of culturology, associate professor, associate professor of art history, Higher School of Folk Arts (academy), 191186, St. Petersburg, Griboyedov canal embankment, 2., lit. A., e-mail: nauka_vshni@mail.ru

Профессиональное образование в сфере традиционного прикладного искусства: доминанты развития

(от Средневековья до последней трети XIX века)

Professional education in the sphere of traditional applied art: development dominants (from the Middle Ages to the last third of the XIXth century)

Аннотация. В статье профессиональное образование в сфере традиционного прикладного искусства рассматривается как сложноорганизованная система, прошедшая длительный период исторического развития. В фокусе исследования генезиса системы профессионального образования – следующие структурные компоненты: внешняя среда – социокультурный контекст, в котором существует система образования, содержание профессионального образования, методика преподавания; образовательные институты, образовательные общности. Выявляется сущность и содержание этапов развития системы профессионального образования в период с X по XVII вв., а также с XVIII по последнюю треть XIX в. Прослеживается процесс профессионализации ремесленников и их постепенного превращения в художников, благодаря историческому изменению системы образовательной подготовки. Отмечается, что до последней трети XIX века этот процесс охватил, в первую очередь, виды декоративно-прикладного искусства. Представлен сравнительный анализ сущностных характеристик народных художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства.

Ключевые слова: профессиональное образование, традиционное прикладное искусство, содержание профессионального образования, методика преподавания, образовательные общности, образовательные институты, профессия, ремесло, системный подход, декоративно-прикладное искусство, народные художественные промыслы.

Abstract. In article professional education in the sphere of traditional applied art is considered as the elaborate system which passed the long period of historical development. In focus of the research of genesis of a system of professional education – the following structural components: the external environment – a

sociocultural context in which the system of education exists, the content of professional education, teaching method; educational institutes, educational communities. The essence and the content of stages of development of the system of professional education during the period from X to the XVIIth centuries and also from XVIII in last third 19th century are revealed. The process of professionalizing of handcraftsmen and their gradual transformations into artists, thanks to historical change of a system of educational preparation is traced. It is noted that until the last third of the 19th century this process captured, first of all, types of decorative applied art. The comparative analysis of essential characteristics of folk art crafts and decorative applied art is presented.

Key words: professional education, traditional applied art, content of professional education, teaching method, educational communities, educational institutes, profession, craft, system approach, decorative applied art, folk art crafts.

В отечественной научной традиции не принято обсуждать исторический возраст традиций народных художественных промыслов, ставить под сомнение их эффекты и воздействия. Однако глубоко патриархальный взгляд на народные художественные промыслы как нечто исконное, наивное, непрофессиональное – это воображаемая преграда, за которой скрывается реальная сложность процессов конституирования и кодификации традиции. Вопрос развития художественных промыслов должен быть перенесен из сугубо художественно-эстетической или краеведческо-этнографической плоскостей на другой концептуальный уровень – в первую очередь, культурно-образовательный.

Профессиональное образование в сфере традиционного прикладного искусства прошло длительный путь становления, превратившись в сложноорганизованную саморазвивающуюся систему. Если профессиональное образование рассматривается с позиций системного подхода, то, следует признать, что любая жизнеспособная система, реагируя на вызовы внешней среды, следуя имманентной логике развития, должна постоянно трансформироваться. Переходные состояния в сложных системах цикличны «и характеризуются противоречивым взаимодействием детерминант предыдущего и нового, что закономерно вызывает неопределенность векторе развития» [2]. Развитие системы профессионального образования в традиционном прикладном искусстве посредством активизации инноваций становится перманентным процессом, поддерживающим ее жизнеспособность в условиях неопределенности и переходности. Нововведения изменяют структурную организацию системы, иерархию элементов, внутренние связи – функциональные взаимодействия между ее элементами, системой в целом, внешней средой [12].

Было бы упрощением понимать развитие системы профессионального образования в традиционном прикладном искусстве эволюционно-прогрессистски. Система в ходе исторического развития усложняется, увеличивается сложность и многокомпонентность элементов, входящих в нее.

Тем не менее, само существование системы профессионального образования включает риски развития, связанные с прогнозируемым, но до конца непредсказуемым ходом процессов, вероятными сбоями в функционировании компонентов системы. Успешное выявление, минимизация и преодоление рисков развития позволяет обеспечить плавное поступательное развитие, без скачков и надломов.

С учетом положений системного подхода [12] в фокусе исследования исторического развития системы профессионального образования в сфере традиционного прикладного искусства окажутся следующие структурные компоненты:

- *внешняя среда – контекст, в котором существует система образования*, состоящая также из множества сложных систем, с которыми происходит постоянный динамичный обмен информацией (государственная культурная и образовательная политика, традиционное прикладное искусство как система образно-стилистических, технико-технологических и регионально-исторических традиций каждого конкретного вида и т.д.);
- *содержание профессионального образования;*
- *методика его преподавания;*
- *образовательные институты* (в первую очередь, учреждения профессионального образования) как «тела инноваций», поскольку ни одно нововведение не может «работать эффективно и без определенного набора институтов, в неадекватной институциональной среде» [26, с. 18];
- *образовательные общности* [28] (здесь осознанно не используется понятие «академические сообщества» [31], под которым понимаются профессорско-преподавательский состав, администрация, студенты вузов, чтобы не исключать из поля зрения сообщества учреждений среднего профессионального образования).

Каждый из этапов развития профессионального образования в традиционном прикладном искусстве определялся собственным вектором, доминантными значениями, в связи с чем ключевая задача – осмыслить, что именно было содержанием развития системы на каждом этапе и к каким результатам оно привело.

Исходным этапом становления профессионального образования в сфере традиционного прикладного искусства является период X–XVII вв., диахронически совпадающий с историей культуры Средневековой Руси. Именно в этот период формируется как городское, так и сельское ремесло, а вместе с ним – технологические, региональные и стилистические предпосылки для последующего возникновения народных художественных промыслов. В качестве примера можно привести широкое распространение гончарства, давшее импульс к формированию художественного промысла глиняной игрушки [17]. С развитием государственности, городов углубляется профессиональная специализация среди ремесленников, появляются мастера, ориентирующиеся на выполнение элитных княжеских, а впоследствии – царских заказов [7].

Вместе с этим специалисты отмечают специфические черты ремесленной деятельности в Древней Руси, не имевшие аналогов в Западной Европе: восприятие ремесла *не как профессии*, а как «освященного традицией способа заработать на жизнь», «частое перепрофилирование на новые ремесла, дающие больший доход», отсутствие «юридически закрепленной формы организации городских ремесленников» вплоть до первой четверти XVIII века [14, с. 77-78]. Ассортимент производимой ремесленниками продукции по большей части состоял из товаров «массового спроса», широко использовавшихся в повседневном обиходе, что подтверждают, например, археологические находки в Новгороде и Старой Ладоге. В подобной ситуации ремесленнику на Руси в голову не могла прийти мысль идентифицировать себя со свободным творцом, «который относится к своему труду и к его плодам как творящий красоту художник» [13, с. 19], как это было, например, в ренессансной Италии.

Культура Средневековой Руси по типу может быть определена как *традиционная*, отличающаяся универсальностью, нормированием всех аспектов жизни как знати, так и простолюдинов, стабильностью, опорой на исторически сложившиеся образцы, преобладанием традиции над инновацией [21]. Вплоть до XVII века в системе древнерусской культуры господствует идея *порядка* [13, с. 20], *данности и незыблемости культурных форм*, которые Русь унаследовала от Византии. Сословное общество неизбежно порождает иерархию вещей, однако для средневековой Руси характерно значительное единство форм ремесленной продукции: так, например, как в столичных городах, так и в деревнях женщины носят колты, хотя княжны – золотые с эмалью, а простолюдины – дешевые из олова.

Историко-культурный контекст зарождения системы профессионального образования обусловил, что *достаточной формой* обучения ремеслу стало *ученичество* [1, 11], заключавшееся в подсаживании ученика к мастеру и практическом освоении технологических операций и художественных решений в ходе выполнения изделий. Аналогичная форма обучения бытовала в Западной Европе, позволяя фиксировать и передавать ученикам требования к используемым материалам, технологиям, орудиям труда, стилистическим решениям, обеспечивая качество создаваемых вещей и стабильность ремесленного производства в городах.

В то же время в Средневековой Руси существовали виды ремесла, которыми владели фактически все мужчины или женщины. Так, производство тканей было фактически домашним ремеслом, которым сызмальства обучали девочек, а мужчины владели технологией создания сруба, долбленої посуды. Такие виды ремесла были полностью инкорпорированы в повседневный уклад жизни и предполагали *семейное обучение средствами народной педагогики*. Процесс обучения был синкетичен: например, в средневековом Новгороде «обучение изографии и грамоте сопровождалось ... обучением рукоделию». Первые надписи, «выполненные на бересте, ребенок оформлял в туес, солонку или лукошко» [27], которые использовались в быту. Иными словами, обучение

осуществлялось в семье, освоение грамоты сопровождалось изучением домашнего ремесла, которым владели родственники (плетению туесов, росписи сундуков, изготовлению домотканной одежды и т.д.), что позволяло безотходно использовать материалы (береста с ученическими надписями шла на изготовление бытового предмета), демонстрировать родственникам продвижение в освоении грамоты («пропись» не выкидывалась, но, став частью предмета, была на обозрении домочадцев).

Семейное обучение путем наглядной демонстрации практических действий во многом предполагало освоение детьми и молодежью неспециализированных ремесленных знаний: каждый крестьянин мог сплести лапти, равно как и его сосед. *Ученичество* – форма обучения, позволявшая освоить и транслировать уникальное знание, новое качество которому давала его *специализация*: «ремесленник одной специальности не мог заменить ремесленника другой специальности (тоже соседа), потому что тонкостей чужого ремесла, профессиональных секретов, он знать никак не мог и не должен был», ведь «профессиональные знания – закрытая для посторонних сфера» [15, с. 84].

Несмотря на традиционализм, господствовавший в средневековой культуре, в этот период появляется важная инновация – «особое качество профессиональных знаний городских ремесленников», заключающееся в «способности к материальному воплощению» [15, с. 85] артефактов и передающееся посредством ученичества. В ситуации домашнего ремесла как дополнительного занятия по отношению к земледелию, «эта способность знания была неочевидна, поскольку процесс неспециализированного деревенского ремесленного труда выглядел как естественная часть обычной, повседневной работы и жизни (изготовление и починка одежды, инструментов, ремонт дома и т.д.), а конечный результат труда – в виде деревянной плошки, глиняной посуды, платья, ножа, топора – выглядел как земные плоды, лишь в малой степени преобразованные человеком (так же, как зерно он «преобразует» в хлеб)» [15, с. 85-86].

В Средневековье городские ремесленники благодаря ученичеству впервые стали носителями эксклюзивного практического опыта, являющегося ресурсом создания новых артефактов. Ученичество как форма обучения способствовала социальному и профессиональному обособлению ремесленников и оформлению отдельных видов ремесла, в том числе художественных, в особую сферу деятельности.

Вместе с тем жесткой границы между семейным обучением и подсадничеством к мастеру не было: семьи как городских, так и сельских ремесленников могли владеть технологическими секретами производства и передавать их молодым членам семьи (фактически – передавать семейное дело) как своеобразный экономический и символический капитал. При этом, как отмечает В.В. Долгов, «если образовательные потребности обучаемого превосходили уровень возможностей родителей, его отдавали в ученичество» [10, с. 26], будь то «учение книжное» или обучение конкретному ремеслу.

Семейное обучение позволяло успешно транслировать «практическую практику» как дорефлексивную возможность и способность «совершать правильные действия в нужный момент» [6, с. 13]. «Практическая практика» «совершается здесь и сейчас, происходит в настоящее время», существует и испытывается только «практическим путем, изобретенная или синхронно сымпровизированная» [6, с. 14]. Ученичество позволяло передавать специализированные навыки и мастерство (ноу-хау) ремесленников – «практическую теорию», т.е. «представление о том, какая есть и какой должна быть практика», нормативные действия, технологию, художественные решения при изготовлении вещей» [6, с. 14].

Ключевым методом освоения ремесленных навыков являлось многократное повторение технологических операций, связанных с изготовлением вещей, умелым использованием инструментов, которые ремесленники зачастую изготавливали самостоятельно. Речь идет о многократном повторении образцов, в ходе которых практические навыки доводились до автоматизма, что служило основой появления вариативности [22] в творчестве мастера. Образно говоря, когда практический опыт ремесленника был достаточно велик, рука – тверда, а глаз уверен в правильности создаваемого художественного решения, мастера могли смело варьировать известные им образы, создавая порой весьма самобытные вещи. Не случайно в средневековых европейских цехах ремесленников своеобразной формой экзамена, подтверждающего квалификацию, являлось создание вещи-шедевра, позволявшего подмастерью перейти в статус мастера.

Ученичество и семейное обучение не исчезают с завершением средневековой эпохи, оставаясь, как показывают исследования, жизнеспособными формами обучения в XIX и даже XXI вв. [5]. Несомненными плюсами как ученичества, так и семейного обучения стало практическое освоение навыков исполнительского мастерства, а также фактическое формирование «индивидуальной формы обучения с личностной мотивационной основой» [9, с. 8]. Жизнеспособность таких, казалось бы, архаичных форм обучения, как ученичество, не ушедших с авансцены в ходе исторического развития даже в крупных городах, продолжающих видоизменяться в новых социокультурных условиях, свидетельствует о нелинейном характере развития профессионального образования в традиционном прикладном искусстве, которое не может быть сведено к простой сумме исторических достижений, где каждый последующий этап развития «отменяет» достижения предыдущего.

Однако уже в XVIII веке радикальным образом контекст развития системы профессионального образования в традиционном прикладном искусстве кардинально меняется. У системы отечественной культуры появляется новый атTRACTOR, являющийся системоразрушающим для средневековой конфигурации культуры: система с XVII века входит в состояние переходности, от доминанты порядка – к хаосу, в котором, однако, вызревают контуры нового порядка [13, с. 19-20].

Н.Г. Михайлова подчеркивает, что «в допетровской России в боярских хоромах и крестьянских избах не только говорили на одном языке, но и пели одни песни, одинаково исполняли обряды, имели похожий жизненный обиход», но «в послепетровской России высшие и низшие сословия с течением времени стали все более различаться, говорить на разных языках, ориентироваться на разные эталоны во многих сферах жизни» [21].

С петровских времен появился запрос на новые материалы, инструменты, сложные механизмы, высокотехнологичные предметы, а также высокохудожественные вещи: функциональные, красивые, принадлежащие исключительно привилегированным сословиям, и, будучи предметами роскоши, включенными в дворцовые интерьеры, делающие их социально обусловленными.

Начинается *процесс размежевания декоративно-прикладного искусства и народных художественных промыслов*, основные различия между которыми можно зафиксировать в таблице.

Таблица 1. Сравнительный анализ характеристик декоративно-прикладного искусства и народных художественных промыслов

<i>№ n/p</i>	<i>Декоративно-прикладное искусство</i>	<i>Народные художественные промышленности</i>
1	Космополитично по своей сути (прикладная роскошь имеет частично заимствованный характер, поскольку к созданию произведений и управлению мануфактурами активно привлекались иностранные мастера [4])	Национально специфичны, являются материальным воплощением культурной памяти, даже привнесенные художественно-стилистические и технико-технологические особенности глубинно и сущностно переосмысяются
2	Место бытования – столичные города, дворянские усадьбы	Место бытования – деревня, малые города, ремесленные пригороды
3	Потребитель – «верхушка» общества, наличие роскошных предметов – маркер принадлежности к привилегированным слоям социума	Потребитель – непривилегированные слои общества, приобретающие, в первую очередь, функциональные вещи
4	Произведение ориентировано на конкретного потребителя (заказчика)	Произведения ориентированы на свободный рынок, анонимного покупателя
5	Произведение – дорогостоящая, сложная по замыслу и исполнению, созданная вручную вещь, созданная в единственном	Основные произведения – недорогая продукция для массового распространения (на ярмарках, через скупщиков и

	экземпляре или же мелкосерийная, что гарантирует ее эксклюзивность и раритетность.	т.п.): ложки, солонки, подсвечники, кружки и т.д., созданная с учетом «законов» ремесленного производства (например, экономии и фактически безотходного использования материалов)
6	Произведение – репрезентативная вещь, символизирующая определенное социальное положение, богатство и могущество владельца, его респектабельность и успешность, утверждающее коллективную идентичность и «хороший вкус» привилегированных слоев общества через обладание роскошными предметами	Произведение репрезентирует традиционное мировоззрение, ценности, представления, в художественной форме воплощает «народную» картину мира
7	Связи с природой менее отчетливы (при создании используется меньше природных материалов, предпочтение отдается рукотворным, композитным)	Тесно связаны с природой (используются природные материалы, характерные и широко распространенные в месте возникновения художественного промысла)
7	Сюжеты и мотивы непосредственно связаны с изящными искусствами (живопись, скульптура и др.)	Связь с изящными искусствами опосредована – все, что художник видел из предметов «высокого искусства», он, не имея возможности их непосредственного повторения, адаптировал к своему миропониманию и системе ценностей. Сохраняются архаичные художественные образы.
8	Художественная составляющая в изделии может превалировать, нивелируя утилитарную функцию; красота самоцenna в предмете	Баланс утилитарной и художественной составляющей, бесполезных в быту предметов нет

Таким образом, начиная с XVIII века, появляется новая задача: сформировать развитое «регулярное» городское ремесло, декоративно-прикладное искусство, способное обеспечивать продукцией запросы новой, европейской по духу столицы – Санкт-Петербурга. Требовались специалисты-

профессионалы, владеющие на высоком уровне ручным трудом, способные создавать сложные, порой абсолютно *новые для российской культуры вещи* – например, костяные детали для кораблей, высокоточные часовые механизмы, ветровые указы, медали и др., оформлять *высокохудожественные предметы с учетом придворных вкусов и «прославлять великих людей средствами искусства»* [20, с. 120], работать в условиях *новых организационных форм предприятий*, контролируемых государством [3, с. 6] – уже не только ремесленных мастерских, но мануфактур, а впоследствии – фабрик.

Общей тенденцией становится появление определенного «зазора» между проектированием вещи и ее художественным исполнением, что особенно наглядно заметно на примере изготовления шпалер, картоны к которым в XVII – XIX вв. исполняли известные живописцы, а на мануфактурах они «переводились» в текстильный материал. Таким образом, новые формы организации производства, освоение новых материалов, технологий, вещей давали импульс трансформации сферы образования [16; 19]. Мастер теперь должен уметь *не только выполнить, но и спроектировать вещь*, согласно придворным вкусам.

Ответом на изменившуюся социокультурную ситуацию, новые запросы государства и политических элит стала *трансформация системы профессионального образования в традиционном прикладном искусстве, второй этап развития которой приходится на период с XVIII века по последнюю треть XIX века*. Ресурсов семейного обучения и ученичества посредством подсадничества к мастеру оказывается недостаточно, для налаживания, в первую очередь, «производств из золота и серебра...; а также – изготовления шпалер, тканых, безворсовых ковров; производства украшенного оружия; фарфора и хрустяля; монументальных и декоративных изделий из камня; декоративной бронзы» [3, с. 7]. Эта проблема фиксируется со всей очевидностью к 1730-м гг.: приглашение иностранных мастеров художественного профиля для обучения русских учеников, равно как и отправка отечественных специалистов за рубеж, не поможет решить ее на государственном уровне даже сугубо в количественном отношении. В 1732 г. в Сенат поступает прошение отправить всего лишь 5 (*sic!*) мастеров в европейские страны «для обучения пробирному, медальерному, инструментальному и машинному делу» [30, с. 266].

К середине XVIII в. был накоплен определенный теоретический организационно-институциональный опыт, позволивший в Санкт-Петербурге и Москве открыть специализированные школы для обучения прикладному искусству, где не только велась ремесленная подготовка, но и обучение арифметике, иностранным языкам, черчению, копированию, рисованию с натуры, лепке и др [18, с. 45]. Одной из первых инициатив было предложение В.Н. Татищева открыть «академию ремесел» (фактически – училище для 500 человек), предусматривавшую весьма широкий спектр подготовки обучающихся «для пользы мануфактур и всяких ремесел» [30, с. 267]. Например, в Школу при гоффинтendantской конторе в Санкт-Петербурге

принимали мастеров различных специальностей, в том числе косторезов и токарей, приезжавших на стройки и производства в новую столицу [29, с. 176-178], которые изучали геометрию, арифметику, архитектуру и рисование. И.Н. Уханова приводит факт, что в 1758 г. холмогорский косторез П. Дудин, поступил в гимназию при Академии наук для обучения математике, рисовальному искусству и французскому языку [29, с. 46].

За второй этап развития профессионального образования в сфере традиционного прикладного искусства появляются *новые институты системы образования* (школы, гимназии), *внедряется новое содержание образования* (характерное для академий художеств, действовавших по всей Европе) – общие основы «изобразительной грамоты», в первую очередь, академического рисунка. Постижение основ «классического искусства», обращение к станковой живописи и скульптуре позиционируется необходимым как специалисту в области изящных искусств, так и в области искусств прикладных. *Владение основами рисунка и живописи – основа профессиональной культуры*, своеобразный «фундамент» для владения высококлассным исполнительским мастерством, вне зависимости от конкретного осваиваемого вида прикладного искусства.

Основным методом обучения продолжает оставаться «работа по образцу», позволявшая сформировать «точность глаза, верность руки, чувство пропорции, умение снять копию в большем или меньшем размере, сделать модель» [20, с. 121]. Тем не менее, метод обучения предполагал не столько копирование образцов, сколько воспроизведение образно-пластического решения вещи и технологии. Отбор деталей, прорисовка фигур, вписывание изображение в контур и т.п. художественные решения были импровизацией мастера. Подобный творческий (а не сугубо ремесленный подход) к варьированию, как правило, приветствовался, позволяя расширить ассортимент создаваемых произведений и обновить их художественные решения.

Как отмечают С.А. Днепров и А.С. Максяшин, в дополнение к индивидуальному обучению появляется «классно-урочная форма, ориентированная на осмысление и понимание сущности профессиональной художественной деятельности», опирающаяся на «принципы природообразности и наглядности» [9, с. 9].

Распространяется практика командировки наиболее талантливых мастеров в учебные заведения Санкт-Петербурга, Москвы, а также зарубежных стран для дальнейшего профессионального совершенствования. Яркий пример – обучение в Марбургском университете Д.И. Виноградова, первооткрывателя фарфора в России, который за рубежом осваивал химию, физику, горное дело и иные технические дисциплины, необходимые для запуска в стране собственного фарфорового производства.

Тем не менее, существенным сдерживающим фактором остался языковой барьер: командировка художника в зарубежные страны могла состояться только при знании им иностранного языка.

Если первоначально изменения в системе профессионального образования в традиционном прикладном искусстве географически охватывали преимущественно Санкт-Петербург и Москву, то с *XIX века* в этот процесс активно вовлекаются регионы. Например, на Урале – в одном из мощных промышленных центров России – в XIX веке открываются такие учебные заведения, как «школа рисования, лепления и резьбы при Екатеринбургской гранильной фабрике (1800), живописная школа в Нижнем Тагиле (1806), школа “клинковых рисовальщиков” в Златоусте (1820), школа художественного мастерства в Каслях (1861)» [8, с. 95-96].

Инициаторами изменения профессиональной подготовки в сфере традиционного прикладного искусства является политическая элита (императорский двор), а также крупные фабриканты. Именно по этой причине учебные заведения вне столицы появляются при крупных мануфактурах. Близость процесса подготовки художников к производству позволяла создавать эскизы, модели, экспериментальные образцы, обсуждать замыслы и достигнутые художественно-технологические решения.

Инициатива открытия учебных учреждений приводит к определенной дифференциации образовательных сообществ: например, школа живописи при заводе Демидовых предполагала обучение детей служащих на их производстве. Также живописи могли обучаться вольноприходящие ремесленники заводов, но первый вариант считался наиболее основательным по подготовке. Вместе с тем высшее художественное образование можно было получить только в Санкт-Петербурге в Академии художеств.

Вместе с этим не только сохраняется, но и видоизменяется *ученичество*. Так, Н.А. Демидов обращает внимание на мастеров Худояровых, прославившихся в качестве первоклассных лакировщиков подносов (и являвшихся фактически «химиками-экспериментаторами»), и направляет к ним учеников. При этом формат ученичества по сравнению со Средневековьем меняется: Демидовы снабжают мастеров учебными пособиями, образцами лучшей иностранной лаковой продукции, ученикам выплачивается ежемесячное жалование [24]. Нередко в качестве наставников по контракту приглашаются художники с высшим образованием [25].

В ученичестве также ставка делается, во-первых, на расширение художественного кругозора мастеров, что позволяет проникнуть в виды декоративно-прикладного искусства и народных художественных промыслов новым приемам, жанрам, сюжетам, мотивам, техникам, а также варьировать художественные решения, добиваясь разнообразия продукции. Во-вторых, отчетливо выраженной оказывается педагогическая составляющая: «при обучении крепостные ориентировались не только на получение знаний по профессии, но и на то, чтобы впоследствии заниматься педагогической деятельностью, то есть каждый обученный крепостной мастер обязан был готовить учеников» [25]. Таким образом, «вложив значительные средства в основательную подготовку одного крепостного, Н.А. Демидов рассчитывал

получать новых специалистов без лишних затрат, через обучение внутри своего хозяйства» [25].

Второй этап развития системы профессионального образования (XVIII – последняя треть XIX вв.) ознаменовался плодотворным контактом изящных искусств и искусств прикладных, способствовал профессионализации ремесленников, постепенно превращавшихся в художников за счет усложнения образовательной подготовки, включавшей освоение общепрофессиональных дисциплин («Рисунок», «Копирование» и т.д.) и дисциплин, обеспечивающих общекультурную подготовку («Французский язык», «Арифметика» и т.д.), в дополнение к освоению новых технико-технологических и художественных знаний, умений и навыков.

На этом этапе формируется «теоретическая теория»: в процесс обучения включается теоретическое познание, предполагающее понимание, осмысление, объяснение и прогнозирование процессов в художественной деятельности, противопоставленное житейскому и непосредственному опыту [6, с. 14].

Появление новых образовательных институтов, обновление содержания профессионального образования позволило поднять художественный уровень выпускаемой продукции, существенно расширить ее ассортимент, усложнило видовое разнообразие традиционного прикладного искусства, обогатило его конкретные виды инновационными художественными и технологическими решениями.

Тем не менее, этот процесс затронул, в первую очередь, те виды искусства, которые принято обозначать как декоративно-прикладное: художественная обработка камня, создание художественно украшенного оружия, художественное литье, художественный фарфор и т.п.

Создание образовательных учреждений или обновление ученичества в регионах во многом связано с инициативой на местах, сами учреждения функционировали изолировано друг от друга. Важной проблемой была недостаточная поддержка и сопровождение учебного процесса учебно-методическими материалами, которые в одних учебных заведениях использовались (например, учебник И.Д. Прейслера «Основательные правила, или Краткое руководство к рисовальному художеству» в Екатеринбургской школе рисования, лепления и резьбы при гравильной фабрике), а в других – нет [20].

Тем не менее, важным социальным итогом второго этапа развития профессионального образования в сфере традиционного прикладного искусства стало «появление высококвалифицированного ремесла с полным циклом обучения, возникновение значительного ремесленного сословия» [14, с. 78]. Так, к 1850-м годам петербургские ремесленники – члены ремесленных цехов – идентифицировали себя с «престижной городской корпорацией профессионалов», могли пользоваться социальными благами, что позволяло им «укрепиться на социальной лестнице и занять более надежную нишу в городском хозяйстве» [14, с. 81]. Ремесленник становится профессионалом,

который обладает не только специальностью, но также индивидуальной ответственностью за выпускаемую продукцию (в отличие от общин, где ответственность за продукцию была коллективной), определенной альтруистической мотивацией (профессия как служение обществу и государству) [23, с. 16-17].

Литература

1. Агапова И.Э. Формы профессионального образования в народных художественных промыслах России // Педагогика искусства. 2009. № 2. URL: http://www.art-education.ru/sites/default/files/journal_pdf/agapova_iya_eduardovna.pdf (дата обращения – 04.08.2019).
2. Алексеева Е.В. Западные инновации в российских модернизациях: константы и вариативность // Проблемы истории России. 2011. № 9 (Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени). С. 94-103. URL: <http://hdl.handle.net/10995/22219> (дата обращения – 20.08.2019).
3. Алимова Л.Б. Законы о роскоши в императорской России. Второе издание, переработанное – Орск: Издательство Орского гуманитарно-технологического института, 2016. – 196 с.
4. Алимова Л.Б. Понятие декоративно-прикладной роскоши в русской истории и культуре // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 10-1 (48). С. 22-26.
5. Безина И.А. Содержание и методы обучения живописи в среднем профессиональном образовании в области лаковой миниатюрной живописи. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, 13.00.08. – СПб.: ВШНИ, 2015. С. 37-39 URL: <http://www.vshni.ru/doc/disbezina.pdf> (дата обращения – 01.08.2019).
6. Бринкьер У., Норгольм М. Какая связь между практической деятельностью человека и сопутствующим ей дискурсом? Обсуждение статуса практической теории // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С. 11-29.
7. Василенко В.М. Русское прикладное искусство. Истоки и становление. I век до нашей эры – XIII век нашей эры. – М.: Искусство, 1977. – 463 с.
8. Днепров С.А., Максяшин А.С. Генезис художественного образования в области изобразительного искусства Урала (методология, история и перспективы) // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2007. № 6 (48). С. 89-100.
9. Днепров С.А., Максяшин А.С. Художественное образование в области изобразительного искусства Урала как зеркало модернизаций XVIII – XX веков // Педагогическое образование в России. 2010. № 2. С. 6-15.

10. Долгов В.В. «Учение книжное»: уровни и формы образования в древней Руси XI – XIII вв. // Восточно-Европейский научный вестник. 2016. № 4 (8). С. 26-32.
11. Дунаева Н.Ю. Из истории обучения рисунку художников декоративно-прикладного искусства в России // Декоративно-прикладное искусство и образование. 2016. № 2. URL: http://drio.ru/stat/2016_2/Dunaeva.doc (дата обращения – 04.08.2019).
12. Журавская Н.Т. К Вопросу о системном подходе к исследованию инноваций в высшей школе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. № 3(77). С. 35-39.
13. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга вторая. – СПб.: ООО «Издательство “Петрополис”», 2001. – 320 с.
14. Келлер А.В. «Средневековый институт» или инновация в духе петровских реформ? Цехи в России и корпоративное самоуправление ремесленников на примере Санкт-Петербурга с начала XVIII до начала XX века // Россия XXI. 2014. № 5. С. 74-95.
15. Кириллова Е.Н. Средневековый город: о новых старых критериях // Средние века. 2017. Т. 78. № 3. С. 77-93.
16. Ковешникова Н.А. Из истории дизайн-образования: эволюция форм и содержания художественного образования от эпохи возрождения до нового времени // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5 (17). С. 262-264.
17. Кулешов А.Г. Русская глиняная игрушка как вид народного творчества. Истоки и типология. – М., 2012. – 184 с.
18. Куракина И.И. Теория и история ТПИ в профильной подготовке бакалавров в области традиционных художественных промыслов: Монография / Под науч. ред. Л.М. Ванюшкиной. – СПб.: ВШНИ, 2019. – 185 с.
19. Максимович В.Ф. Теория и практика подготовки учащихся по художественно-промышленным видам труда в условиях непрерывного образования: На примере учебных заведений традиционного декоративно-прикладного искусства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук.13.00.01. – М., 2000. – 340 с.
20. Максяшин А.С. Теоретические основы развития регионального художественного образования // Инновации в образовании. 2005. № 3. С. 119-127.
21. Народная культура в современных условиях: Учеб. пособие / М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии; Отв. ред. Н.Г. Михайлова. – М., 2000. – 219 с. URL: <http://mk.severberesta.ru/articles-ru/57-narodnaja-kultura-v-sovremennyh-usloviyah-uchebnoe-posobie-moskva-2000-glava-1.html> (дата обращения – 05.08.2019).
22. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура: монография. – СПб.: Наука, 1994. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/084/> (дата обращения – 25.08.2019).

23. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Антропологические исследования профессии // Антропология профессий: сб. научных статей / под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. – Саратов: Центр социальной политики и гендерных исследований; Научная книга, 2005. С. 13-49.
24. Силонова О.Н. Господская лакировальная фабрика Демидовых. Первый опыт реконструкции истории XVIII – начала XIX века // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 2(30). С. 186-189.
25. Силонова О.Н. Региональные особенности подготовки специалистов художественных и художественно-ремесленных специальностей XVIII – начала XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, 17.00.04. – Екатеринбург, 2013. URL: <http://cheloveknauka.com/regionalye-osobennosti-podgotovki-spetsialistov-hudozhestvennyh-i-hudozhestvenno-remeslennyh-spetsialnostey-xviii-nachal> (дата обращения – 01.08.2019)
26. Смирнова В.Ю. Социальные и институциональные аспекты технологической модернизации, их взаимосвязь и влияние на технологическую модернизацию // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2012. № 3-4. С. 15-23.
27. Тимонина О.Ю. Обучение изографии в Древней Руси как средство духовно-нравственного воспитания (по берестяным грамотам и настенным рисункам) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 2 (14). URL: <https://www.novsu.ru/file/1442849> (дата обращения – 01.08.2019).
28. Формирование нелинейной системы высшего образования в макрорегионе: монография / Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова, В.С. Каташинских, А.К. Клюев, А.А. Кузьминчук, С.В. Кульпин, М.В. Певная, Н.В. Шаброва, Е.А. Шуклина / Под ред. Г.Е. Зборовского. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. – 251 с.
29. Уханова И.Н. Резьба по кости в России XVIII – XIX веков. И.Н. Уханова Л.: Художник РСФСР, 1981. – 240 с.
30. Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII века. – М.: Просвещение, 1985. – 367 с.
31. Nikiforova L., Tikhomirov S., Ron M., Makashova A. Mapping the university space: strategies of spatial acquisition in the everyday experience // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences Edited by: Prof. Valeria Chernyavskaya and Prof. Holger Kuße. Том. LI – 2018. Pp. 660-669. [https://dx.doi.org/10.15405/epsbs\(2357-1330\).2018.12.2](https://dx.doi.org/10.15405/epsbs(2357-1330).2018.12.2).

References

1. Agapova I.E. Formy professional'nogo obrazovaniya v narodnyh hudozhestvennyh promyslah Rossii // Pedagogika iskusstva. 2009. № 2. URL: <http://www.art->

education.ru/sites/default/files/journal_pdf/agapova_iya_eduardovna.pdf (data obrashcheniya – 04.08.2019).

2. Alekseeva E.V. Zapadnye innovacii v rossijskih modernizaciyah: konstanty i variativnost' // Problemy istorii Rossii. 2011. № 9 (Rossiya i Zapad v perekhodnuyu epohu ot srednevekov'ya k novomu vremeni). S. 94-103. URL: <http://hdl.handle.net/10995/22219> (data obrashcheniya – 20.08.2019).

3. Alimova L.B. Zakony o roskoshi v imperatorskoj Rossii. Vtoroe izdanie, pererabotannoe – Orsk: Izdatel'stvo Orskogo gumanitarno-tehnologicheskogo instituta, 2016. – 196 s.

4. Alimova L.B. Ponyatie dekorativno-prikladnoj roskoshi v russkoj istorii i kul'ture // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. № 10-1 (48). S. 22-26.

5. Bezina I.A. Soderzhanie i metody obucheniya zhivopisi v sredнем professional'nom obrazovanii v oblasti lakovoj miniatyurnoj zhivopisi. Dissertation na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk, 13.00.08. – SPb.: VSHNI, 2015. S. 37-39 URL: <http://www.vshni.ru/doc/disbezina.pdf> (data obrashcheniya – 01.08.2019).

6. Brinkk'er U., Norgol'm M. Kakaya svyaz' mezhdu prakticheskoy deyatel'nost'yu cheloveka i soputstvuyushchim ej diskursom? Obsuzhdenie statusa prakticheskoy teorii. // Professii.doc. Social'nye transformacii professionalizma: vzglyady snaruzhi, vzglyady iznutri / Pod red. E. YArskoj-Smirnovoj, P. Romanova. – M.: OOO «Variant», CSPGI, 2007. S. 11-29.

7. Vasilenko V.M. Russkoe prikladnoe iskusstvo. Istoki i stanovlenie. I vek do nashej ery – XIII vek nashej ery. – M.: Iskusstvo, 1977. – 463 s.

8. Dneprov S.A., Maksyashin A.S. Genezis hudozhestvennogo obrazovaniya v oblasti izobrazitel'nogo iskusstva Urala (metodologiya, istoriya i perspektivy) // Obrazovanie i nauka. Izvestiya UrO RAO. 2007. № 6 (48). S. 89-100.

9. Dneprov S.A., Maksyashin A.S. Hudozhestvennoe obrazovanie v oblasti izobrazitel'nogo iskusstva Urala kak zerkalo modernizacij XVIII – XX vekov // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2010. № 2. S. 6-15.

10. Dolgov V.V. «Uchenie knizhnog»: urovni i formy obrazovaniya v drevnej Rusi XI – XIII vv. // Vostochno-Evropejskij nauchnyj vestnik. 2016. № 4 (8). S. 26-32.

11. Dunaeva N.YU. Iz istorii obucheniya risunku hudozhnikov dekorativno-prikladnogo iskusstva v Rossii // Dekorativno-prikladnoe iskusstvo i obrazovanie. 2016. №2. URL: http://dpio.ru/stat/2016_2/Dunaeva.doc (data obrashcheniya – 04.08.2019).

12. ZHuravskaya N.T. K Voprosu o sistemnom podhode k issledovaniyu innovacij v vysshej shkole // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2008. № 3(77). S. 35-39.

13. Kagan M.S. Vvedenie v istoriyu mirovoj kul'tury. Kniga vtoraya. – SPb.: OOO «Izdatel'stvo “Petropolis”», 2001. – 320 s.

14. Keller A.V. «Srednevekovyj institut» ili innovaciya v duhe petrovskih reform? Cekhi v Rossii i korporativnoe samoupravlenie remeslenikov na primere Sankt-Peterburga s nachala XVIII do nachala XX veka // Rossiya XXI. 2014. № 5. S. 74-95.
15. Kirillova E.N. Srednevekovyj gorod: o novyh staryh kriteriyah // Srednie veka. 2017. T. 78. № 3. S. 77-93.
16. Koveshnikova N.A. Iz istorii dizajn-obrazovaniya: evolyuciya form i soderzhaniya hudozhestvennogo obrazovaniya ot epohi vozrozhdeniya do novogo vremeni // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2009. № 5 (17). S. 262-264.
17. Kuleshov A.G. Russkaya glinyanaya igrushka kak vid narodnogo tvorchestva. Istoki i tipologiya. – M., 2012. – 184 s.
18. Kurakina I.I. Teoriya i istoriya TPI v profil'noj podgotovke bakalavrov v oblasti tradicionnyh hudozhestvennyh promyslov: Monografiya / Pod nauch. red. L.M. Vanyushkinoj. – SPb.: VSHNI, 2019. – 185 s.
19. Maksimovich V.F. Teoriya i praktika podgotovki uchashchihsya po hudozhestvenno-promyshlennym vidam truda v usloviyah nepreryvnogo obrazovaniya: Na primere uchebnyh zavedenij tradicionnogo dekorativno-prikladnogo iskusstva. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora pedagogicheskikh nauk.13.00.01. – M., 2000. – 340 s.
20. Maksyashin A.S. Teoreticheskie osnovy razvitiya regional'nogo hudozhestvennogo obrazovaniya // Innovacii v obrazovanii. 2005. № 3. S. 119-127.
21. Narodnaya kul'tura v sovremennyh usloviyah: Ucheb. posobie / M-vo kul'tury RF. Ros. in-t kul'turologii; Otv. red. N.G. Mihajlova. – M., 2000. – 219 s. URL: <http://mk.severberesta.ru/articles-ru/57-narodnaja-kultura-v-sovremennyh-uslovijah-uchebnoe-posobie-moskva-2000-glava-1.html> (data obrashcheniya – 05.08.2019).
22. Putilov B.N. Fol'klor i narodnaya kul'tura: monografiya. – SPb.: Nauka, 1994. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/084/> (data obrashcheniya – 25.08.2019).
23. Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. Antropologicheskie issledovaniya professii // Antropologiya professij: sb. nauchnyh statej / pod red. P.V. Romanova i E.R. YArskoj-Smirnovoj. – Saratov: Centr social'noj politiki i gendernyh issledovanij; Nauchnaya kniga, 2005. S. 13-49.
24. Silonova O.N. Gospodskaya lakiroval'naya fabrika Demidovyh. Pervyj opyt rekonstrukcii istorii XVIII – nachala XIX veka // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv. 2012. № 2(30). S. 186-189.
25. Silonova O.N. Regional'nye osobennosti podgotovki specialistov hudozhestvennyh i hudozhestvenno-remeslennyh special'nostej XVIII - nachala XIX veka. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata iskusstvovedeniya, 17.00.04. – Ekaterinburg, 2013. URL: <http://cheloveknauka.com/regionalnye-osobennosti-podgotovki-spetsialistov-hudozhestvennyh-i-hudozhestvenno-remeslennyh-spetsialnostey-xviii-nachal> (data obrashcheniya – 01.08.2019).

26. Smirnova V.YU. Social'nye i institucional'nye aspekty tekhnologicheskoy modernizacii, ih vzaimosvyaz' i vliyanie na tekhnologicheskuyu modernizaciyu // Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo. 2012. № 3-4. S. 15-23.
27. Timonina O.YU. Obuchenie izografii v Drevnej Rusi kak sredstvo duhovno-nravstvennogo vospitaniya (po berestyanym gramotam i nastennym risunkam) // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 2 (14). URL: <https://www.novsu.ru/file/1442849> (data obrashcheniya – 01.08.2019).
28. Formirovanie nelinejnoj sistemy vysshego obrazovaniya v makroregione: monografiya / G.E. Zborovskij, P.A. Ambarova, V.S. Katashinskikh, A.K. Klyuev, A.A. Kuz'minchuk, S.V. Kul'pin, M.V. Pevnaya, N.V. SHabrova, E.A. SHuklina / Pod red. G.E. Zborovskogo. – Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2018. – 251 s.
29. Uhanova I.N. Rez'ba po kosti v Rossii XVIII – XIX vekov. I.N. Uhanova L.: Hudozhnik RSFSR, 1981. – 240 s.
30. YUht A.I. Gosudarstvennaya deyatel'nost' V.N. Tatishcheva v 20-h – nachale 30-h godov HVIII veka. – M.: Prosveshchenie, 1985. – 367 s.
31. Nikiforova L., Tikhomirov S., Ron M., Makashova A. Mapping the university space: strategies of spatial acquisition in the everyday experience // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences Edited by: Prof. Valeria Chernyavskaya and Prof. Holger Kuße. Tom. LI – 2018. Pp. 660-669. [https://dx.doi.org/10.15405/epsbs\(2357-1330\).2018.12.2](https://dx.doi.org/10.15405/epsbs(2357-1330).2018.12.2).